

— Входите, — сказал Геральт из-за стола, делая вид, что не слышал охранника, спускавшегося в свои покои. Он только повернулся, чтобы посмотреть на Красного Плаща, чье лицо было испорчено какой-то оспой в детстве, оставив на нем много заметных шрамов во взрослой жизни, когда он открыл дверь. "Да?"

— Мастер Ведьмак, — поклонился он под лязг доспехов. «Лорд Тайвин запросил ваше присутствие в своем солярии».

Геральт мог догадаться почему. «Понятно, пожалуйста, сообщите Лорду-деске, что я скоро поднимусь».

Искалеченный охранник снова поклонился, закрывая дверь на пути к выходу. Судя по звуку его затрудненного дыхания и замедлению темпа, мужчина не торопится возвращаться к Тайвину в своем двухэтажном переходе. Это означало, что у Геральта будет достаточно времени, чтобы завершить последнюю главу «Безумия в крови», «Падение дома Лостонов» мастера Баркера. Одна из нескольких книг, подаренных ему Великим мастером Пицелем, многие из которых посвящены мрачной истории замка Харренхолл. Этот конкретный фолиант, созданный всего десять лет назад, рассказывал историю предпоследнего Дома, правившего Харреналом.

Как и все их предшественники, включая Дом Хоар, чьи методы создания чудовища были далеко не бескровны, чужая трагедия заложила основу для дома Лостонов. Дом Стронгов был уничтожен во время Танца Драконов, жестокой гражданской войны Таргариенов и, возможно, самого ужасного конфликта, увиденного в этих землях за столетия. Первым лордом Харренхолла, пришедшим из Дома Лостонов, был Лукас Лостон, магистр оружия Красного Замка, получивший высокое дворянство благодаря женитьбе на Фалене Стокворт. Он даже стал десницей короля, пока его, его жену и дочь не выслали из Красного замка по приказу Эйгона Недостойного.

Связи Лостонов с королями драконов были далеки от завершения. Жена и дочь лорда Лостона стали любовницами четвертого Эйгона. Его потомок заработал себе дурную репутацию предателя, встав на сторону Дома Таргариенов в пользу Дома Блэкфайров во время Первого восстания Блэкфайров только для того, чтобы снова перейти на другую сторону, когда ситуация начала меняться. Затем появился последний, самый презируемый из Лостонов: Безумная Данель. Известная как практикующая магию крови и каннибализм, эта леди провела свои последние годы жизни, убивая бесчисленное количество невинных людей в своих темных делах, купаясь в их крови и предаваясь извращенным ритуалам, сочетающим магию, человеческие страдания и секс.

О причине этого безумия сказка не говорит. Понять чудовище часто было труднее и неприятнее для людей, чем пронзить его мечом. И к шпагам дело неизбежно сводилось. Король Мейкар Таргариен принял меры против сумасшедшей, собрав значительные силы, чтобы привлечь ее к ответственности. Сир Уолтер Уэнт, ныне лорд Уэнт и правитель Харренхолла, сыграл ключевую роль в падении Данеллы. До того, как они стали лордами, Дом Уэнтов был небольшой дворянской семьей, предлагающей рыцарей Лостонам. Именно их знакомство с Харренхоллом позволило им открыть ворота и превратить то, что могло бы стать долгой и затянувшейся катастрофой, в быструю победу. Сам Мейкар отрубил Данелле голову, сжег ее останки дотла и выбросил их по ветру с вершины самой высокой башни Харренхолла.

Так пал Дом Лостонов, так вырос Дом Уэнтов. Несчастье одного возвысить другого. Настоящий фундамент Харренхолла, а не камень, сталь, пот или кровь. Геральт был убежден, что это место проклято Домом Харроуэй, и всё последующее лишь укрепило эту мысль. Каждый Дом, назначенный Таргариенами управлять замком, неизбежно уничтожался ими. Известно, что по

крайней мере один представитель каждого из них имел сексуальные отношения с кем-то из членов королевской семьи. Некоторые из них поднялись высоко в правящих правительствах своего времени, поднявшись до положения Десницы Короля.

Слишком много повторяющихся событий, чтобы просто отмахнуться как от совпадений. Места великих человеческих страданий, боли и смерти со временем приобрели вокруг себя своего рода ауру. Притягивая больше каждого к месту спустя годы, увековечивая их до бесконечности. То, что Харрен Черный якобы сделал, чтобы просто построить это место в одиночку, было бы достаточно, чтобы вызвать проблемы через годы. Тем не менее, в мире, где сила была уменьшена, конечный результат таких проблем не обязательно был бы магическим по своей природе, если только отправной точкой не была сама магия. Например, тысячи и тысячи мужчин, женщин и детей были сожжены заживо огромным драконом, источающим силу даже спустя столетия после его смерти.

Когда Геральт отошел от стола, одеваясь для следующего невыносимого вечера с Эйрисом, он вспомнил историю сира Осуэлла после их спарринга.

«Харренхолл — дом странных образов и звуков, Мастер Ведьмак», — сказал Королевский гвардеец, проводя тряпкой по мечу за столом, за которым они сидели. «Хлопанье невидимых птиц на конюшнях, топот шагов откуда-то по многочисленным длинным коридорам, не принадлежащим никому, одинокие факелы, зажженные в залах и комнатах, в которых никто не живет. не объяснить».

Но даже когда он произносил эти слова, серьезный взгляд, который он бросил на свой меч, показывал, что он не убежден в них.

«То, что не может быть объяснено уловками разума или детьми, играющими с призраками, чтобы пугать других, это ... То, что я видел, когда мальчику было всего семь лет, пугающий опыт, который лишил меня сна на многие месяцы после этого. возвращался с уроков у мастера, устал от перьев и лекций и жаждал тренировочного меча. Не могу сказать, когда и как я сбился с пути, я спускался по бесконечным ступеням бесчисленное количество раз. В тот день, однако, память и сообразительность подвели меня.

«Я продвигался вперед, не боясь... Какое-то время. Я должен был стать рыцарем, а рыцари ничего не боялись, уж точно не терялись в собственном доме. Я твердил себе это, слишком молодой и глупый, чтобы знать лучше. Вскоре я стал замечать капли воды на своем пути, в местах без дыр в крыше и там, где неделями не было дождя, я не обращал на это внимания, даже играл в игру, избегая луж, которые росли с каждым новым движением. один... Пока жажда не взяла меня. Я думал напиться из воды, к моему сожалению.

"Там, в кристально чистой луже, когда я стоял на коленях, мое сердце упало в небытие, и ледяной страх застыл в моей крови. В воде было пламя, и среди огня стоял человек. Он казался рыцарем, хотя его герб было невозможно разобрать, потому что его доспехи были черными. Его мокрые волосы прилипали к обугленной коже, и там, где у человека есть глаза, у него не было ничего, кроме пустых дыр. Он... Пытался говорить, но его язык... Это было растаял... После этого...

«После этого ты сделал еще одну лужу, когда обмочился», — сказал тогда сир Левин, одетый в новые доспехи и смеющийся.

— Другие берут тебя, брат, — сир Уэнт звучал обиженно только на мгновение, прежде чем рассмеяться вместе с ним. Возможно, Лейвн не заметил этого или не захотел комментировать,

но для ушей Геральта смех показался натянутым. Когда чуть позже в тот же день его спросили о дате его рождения, сир Освелл ответил, что это произошло через 245 лет после Завоевания. Инцидент произошел в том же году, когда исполнилось 250 лет со дня сожжения Эйгоном Харренхолла до тлеющих руин. Событие не привлекло большого внимания в семье Уэнт, почему? Это было не что иное, как буйное воображение мальчика.

Леди Данель перенесла подобную травму? Дальнейшее обследование показало, что она родилась примерно к 200-летнему юбилею. Тем не менее, признаки безумия стали очевидными только в более позднем возрасте. Кто бы мог сказать, магия и безумие могли быть и часто были взаимоисключающими. При этом ведьмак очень сомневался, что они были. Отбросив эту тему от мыслей на сегодня, Геральт посмотрел на себя в зеркало рядом с гардеробом, а потом проверил, не подсматривает ли за ним с лестничной перекладины еще один лакей Вариса. На этот раз ничего из того, что он мог услышать.

Он ничего не слышал и по пути к покоям Тайвина на вершине башни. Неудивительно, что Геральт нашел его глубоко среди официальных бумаг, две стопки которых довольно сильно торчали слева от него. Справа от него стояла бочка эля с двумя чашками. Один из них уже был поставлен в конце стола гостей для его удобства.

— Лорд Десница, — сказал Геральт, опустив голову и напрягая глаза от падающего в лицо заходящего солнца. — Ты хотел меня видеть?

- Конечно, садись, Геральт, мы скоро приступим к делу, - еще несколько бумаг требовали его внимания, и ведьмак был им рад. Его значительный стек оказался идеальным средством защиты от солнечных лучей, как только он сел.

«Извините, что прерываю, но не будете ли вы возражать, если я вернусь к своей новой привычке выпивать сегодня вечером?» — спросил Геральт, кивая на бочку.

"Угощайтесь."

Он так и сделал, и вкус вина из Арбора остался таким же восхитительным, как и прежде. Одного запаха было достаточно, чтобы успокоить Геральта даже в присутствии Эйриса, и в то время, когда Тайвину требовалось закончить свои обязанности, он закрыл глаза и наслаждался его сладким вкусом.

«Мм, мне придется взять что-нибудь с собой, когда я вернусь домой».

"И когда это может быть?"

— Трудно сказать, — честно ответил Геральт, ставя чашку. — Это зависит от очень многих факторов. Почему вы спрашиваете, лорд Тайвин? Есть ли какая-то причина, по которой мне следует торопиться?

«На самом деле, как раз наоборот», — он поставил последний штамп с королевской печатью на бумагу, отложив ее в сторону в стопку. «Я так понимаю, ваша обычная встреча с Пицелем сегодня не состоялась».

«Действительно, кажется, какое-то срочное дело требовало его немедленного внимания. Оставив меня свободным, чтобы провести день, читая о разрушенных Домах и тренируясь с вашим сыном, Хайме. Судя по вашему отсутствию в момент его прибытия и по горе бумаг на вашем столе, я сказал бы, что вы сами не могли поприветствовать его до недавнего времени».

«Весьма интересная серия событий, которые вы, без сомнения, собрали по кусочкам за несколько минут», — сказал Тайвин, откидываясь на спинку сиденья. — Тогда скажем откровенно, господин ведьмак, что вы о нем думаете?

"Правда? Его умение владеть мечом немало", - ответил Геральт и имел в виду это. Хотя Джейме Ланнистер был еще мальчиком, возможно, не старше пятнадцати или шестнадцати, он сражался лучше, чем большинство мужчин, с которыми Геральт скрестил мечи, мужчины вдвое старше его, а некоторые даже вдвое опытнее его. Сир Барристан выбрал мальчика Фрея, сославшись на своего брата или двоюродного брата, который произвел на него впечатление на каком-то турнире, как образец прекрасного рыцаря Фрея. Геральт и Джейме пошли следом, используя тупое оружие, даже когда Ведьмак увидел, как хмурое выражение отвращения отразилось на лице мальчика при этом факте.

Правила были переработанной версией того, что использовали Геральт и сир Артур, первый, кто упадет пять раз, был проигравшим. Мальчик не использовал щит, предпочитая использовать один длинный меч. Ведьмак понял, что не из-за высокомерия, а из-за простого предпочтения: он был не из тех, кто пытается противостоять своему противнику. Этот предпочитал танец клинков. Именно это и обернулось через несколько мгновений после того, как сир Барристан приказал им начинать. Джейме не терял ни секунды, пытаясь нанести удар, его затупившийся меч крутился в руке, превращаясь в укол.

Геральт отшвырнул его в сторону и контратаковал размахом, оруженосец увидел приближение и ловко повернул голову в противоположную сторону, уже выгибая запястье мечом для очередной атаки. Геральт избежал и этого, нарочито быстро вращая клинком круги и полукруги, чтобы сбить его с толку. Однако Джейме отреагировал хорошо. Его меч снова и снова встречался с Геральтом, даже если ведьмак сильно сдерживался. Это продолжалось и продолжалось во время их первого боя, молодой лев, используя, казалось бы, безграничную энергию юности против Ведьмака, строго сдерживался, чтобы проверить свои возможности. Была и другая причина его оскорбительного дервиша, страх.

Хотя мальчик пытался скрыть это за маской сосредоточенности и напряжения, целеустремленный, немигающий, бесстрастный взгляд Геральта, казалось, сдерживал его.

"В чем дело?" — спросил он, вонзая свои змеиные глаза в зеленые глаза оруженосца и отражая взмах меча. — Этот взгляд пугает тебя?

"Н-нет!"

«Я надеюсь на это, никогда не позволяйте своим врагам испугать, расслабить или одурачить вас. Ваше тело должно быть готово двигаться, защищаться, убивать при простом инстинктивном присутствии опасности».

Чтобы забить точку, Геральт продолжал сражаться с ним таким образом вплоть до пятой схватки после того, как Хайме четыре раза упал до этого. К тому времени мальчик, казалось, понял, все еще боясь, но сопротивляясь, черпая силы из дерзкого встречного взгляда, который он бросил на ведьмака. Его выносливость все время оставалась впечатляющей, несмотря на бесчисленные удары, которые они наносили друг другу, Хайме в последнем раунде был едва ли медленнее или неряшливее, чем в первом.

Именно во время этого последнего разговора Геральт решил проверить свою личность другими способами. Симулируя слабость, ведьмак позволял толкать себя взад и вперед, намеренно пропуская удары и даже позволяя мечу мальчика ушибить себя в правое плечо. Изменение в

поведении было быстрым и тревожным, сосредоточенность, которую он приобрел, сражаясь с вышестоящим, сменилась высокомерием. Он не мог не дерзко улыбнуться, в его голове, без сомнения, возникло миллион фантазий о славной победе над человеком, который победил всю Королевскую гвардию.

Геральт быстро положил этому конец, изменение баланса сил произошло так быстро, что Джейме разинул бы рот, если бы Ведьмак дал ему достаточно времени для такой роскоши. С той же скоростью, с которой он побеждал сира Артура, Геральт обрушил на себя настоящий ураган выпадов, взмахов, контратак, ответных ударов и даже пару пируэтов. К чести мальчика в фехтовании, Хайме выдерживал обстрел дольше, чем ожидалось, позволив своему телу инстинктивно двигаться и реагировать, когда его разум едва мог что-либо понять.

Когда его спина коснулась земли в пятый раз, Геральт протянул ему руку. В ответ оруженосец неохотно взял его, хотя Ведьмак уже слышал, как скрипят его зубы. Если бы это были только они вдвоем, его реакция была бы куда менее уважительной, Геральт достаточно видел Цири, чтобы с первого взгляда определить раздражение в ребенке. Ведение себя как презируемый маленький мальчик перед двумя своими героями сдерживало его до определенного момента.

— Ты хорошо себя зарекомендовал, юный Ланнистер, — сказал Геральт, подразумевая каждое слово, хотя оруженосец перед ним не знал, утешаться им или обижаться. «Но битва не выиграна, пока ваш враг не повержен или не мертв. Там ваше высокомерие дорого вам обойдется».

— Д-да, Мастер Ведьмак, — ответил он с наигранным уважением, склонив голову. «Спасибо за уроки».

После этого он и сир Барристан прошли еще несколько раундов. Геральт больше не участвовал. Он остался в стороне, чтобы понаблюдать за тем, как мальчик думал и поступал с одним из своих героев. Как и прежде, его фехтование было безупречным, остальное...

«Он выиграл свой первый рукопашный бой на турнире в возрасте трех и десяти лет», — объяснил лорд Тайвин, не улыбаясь, но с оттенком гордости в глазах. «По моему указанию Королевская гвардия предложила продолжить его обучение, чтобы закончить то, что начал лорд Крейкхолл».

«Он пойдет далеко, я бы даже осмелился сказать, что через несколько лет он будет ровней таким, как сир Барристан и сир Артур».

"Не лучше?"

— Возможно, — пожал плечами Геральт, зная, что смысл этого разговора приближается. «Они установили планку довольно высоко. У вашего сына определенно есть потенциал, чтобы реализовать это, он борется с природным талантом, которому многие позавидовали бы».

«Я знаю об этом, и я хотел бы, чтобы этот потенциал был реализован».

«И кто может сделать это лучше, чем человек, который уже намного превосходит нынешнюю Королевскую гвардию?»

На этот раз Лорд-Рука почти улыбнулся. «Совершенно верно, и, как вы сказали нам вчера вечером, у вас есть опыт работы инструктором по фехтованию».

— Да, — кивнул Геральт, тоже с гордостью в голосе. «Моя дочь Цири, без сомнения, одна из

лучших бойцов там или даже здесь. Хотя я не приписываю ей всего этого, несколько моих братьев-ведьмаков и инструктор помогли ей стать такой, какая она есть».

«Тогда давайте вообще перейдем к сути дела, я предлагаю вам прекрасную возможность, Геральт, шанс воспитать не только сына Великого Дома Вестероса. Но и наследника одного из них. Это очень важное дело. , и одному я бы никому не доверял так легко. Джейме - будущее Дома Ланнистеров, наше имя, наша репутация, наша власть ... все это лежит на его плечах, и я прослежу, чтобы все трое продолжали жить после того, как я стану нулем. но прах и кости».

«Наследие Дома Ланнистеров должно оставаться сильным, любыми необходимыми средствами», — продолжил Геральт, опуская слово «превосходство».

«Точно, и вы именно такой человек, чтобы помочь воплотить это в жизнь. Я уже предпринял необходимые шаги, чтобы обеспечить средства для выполнения таких упражнений, и самым щедрым образом вознагражу вас за ваши усилия. Эйрис не может знать об этом. Итак, вы будете тренироваться тайно, в Башне Десницы. Есть ряд комнат и мест, хорошо подходящих для этой задачи. Будьте уверены, я очень ясно дам ему понять, что он никогда не должен раскрывать существование этих уроков, и он будет молчать».

Им придется делать такие упражнения еще раньше утром, до того, как начнется их график, каким их знали все остальные. Для него это было не невозможно, Геральт привык делать больше, а спать меньше.

«Вы также получите щедрую компенсацию за свои усилия».

«Предположим, что я приму это соглашение, давайте оставим средства моей оплаты для обсуждения на потом. У меня уже есть триста золотых драконов в моих покоях, и мне не на что их тратить».

Эйрис для разнообразия вознаградил Геральта за уничтожение Братства. Хотя официальная награда за них не была объявлена, триста золотых монет казались вполне приличной суммой. По правде говоря, это было более чем справедливо. Геральт так и не покинул Красную крепость и, таким образом, не провел ни одной из них. Тайвин принял это кивком, даже несмотря на то, что его глаза стали подозрительными при слове «Предположим».

«По правде говоря, Лорд Хэнд, мне интересно, сколько я вообще могу сделать для вашего сына».

"Объяснять."

— Во-первых, — Геральт наклонился вперед, снова наполняя чашку. «Для обучения ведьмака требуется широкий ассортимент специального оборудования, которое вы можете найти только в Каэр Морхене, далеко-далеко отсюда. Я говорю о больших тренировочных машинах, которые невозможно транспортировать, размещать и использовать где-то по отдельности. Я должен поставить их на вершине одной из зубчатых стен Красного замка. Я тоже не строитель, я не могу рассказать вам подробности их строительства, независимо от того, сколько денег вы мне предложите.

- Во-вторых, - Геральт отхлебнул вина. «Боевой стиль ведьмака не подходит тому воину, которым будет ваш сын. Он требует скорости и пространства для маневра. и дерьмом покрыты поля и городские стены, места, где человек так же может пасть от вражеского меча, как и от собственных товарищей, раздавивших его насмерть.

— Наконец, — Геральт поставил чашку, глядя Тайвину в глаза. «Когда я тренировал свою дочь, она была намного моложе и не имела предыдущего опыта. Из нее можно было сделать любого воина, которого только можно было захотеть. Начать учить его чему-то совсем другому - это смутило бы его и отбросило назад. Я, конечно, могу научить его работе ног, помочь ему хорошо драться другой рукой, позволить ему внедрить некоторые ведьмачьи приемы, применимые к его стилю. , лорд Тайвин, Джейме никогда не сможет драться так, как я».

Глава Дома Ланнистеров не ответил, он даже не вцепился в свои кресла. Вместо этого он выглядел... Противоречивым, такое же выражение лица было у его сына накануне. Взбешенный кажущимся отказом Геральта и, возможно, даже впечатленный тем, как он это делает? Тайвин, без сомнения, провел много-много лет своей жизни среди идиотов, людей, чьи неудачи объяснялись ленью или некомпетентностью. Он не мог причислить Геральта к их числу, не имея на то рациональных причин.

После того, как он напомнил ведьмаку об Эмгыре, со всеми его разговорами о том, что ребенок — это прежде всего средство сохранить какое-то наследство, Геральту нравилось наблюдать, как он немного извивается. Но лорд Тайвин также был самым близким к настоящему, могущественному союзнику, кроме Пицеля. И кроме того, он жалел мальчика больше, чем ненавидел отца.

— И все же, — сказал Геральт более умиротворяющим тоном. «Я подозреваю, что вашему сыну не обязательно быть близким к моему способу борьбы, чтобы реализовать свой потенциал. Его большие проблемы здесь», — он постучал себя по голове. — Могу я говорить прямо?

«До сих пор вы не обнаружили принуждения поступать иначе, зачем останавливаться сейчас?»

«Вашему сыну нужно вытащить голову из задницы. Он одарен мечом, и его тренировки до сих пор блестяще продемонстрировали это. Он слишком хорошо это знает. по глупости попал в мою ловушку. Ухмылка на его лице говорила сама за себя: я скоро добьюсь невероятной славы! Неважно, как мало смысла было в моем поступке, его голова была в облаках, и я сбросил его легче, чем времени, чем все предыдущие.

Позже сир Барристан проделал с ним тот же трюк, и мальчик снова попался на эту удочку, хотя у него хватило любезности мотнуть головой вверх-вниз, чтобы понять это более убедительно. Но он не понимает, на самом деле. Мир пусть на тренировочном дворе пофантазирует, а там? Ни в коем случае. Наделает или скажет какую-нибудь глупость и голову за это потеряет.

И снова речь Геральта была встречена лордом Тайвином молчанием, хотя он выглядел гораздо менее конфликтным, чем раньше. В этом была какая-то ярость, несомненно, он не любил, когда кто-то так нагло отзывался о его золотом воздухе. И все же было еще кое-что... Уважительный взгляд?

— Проницательное исследование, мастер ведьмак, — медленно ответил он. «Да, я знаю о своих сыновьях... Склонность к глупостям. Даже будучи мальчиком, он и его сестра выполняли опасные трюки просто для того, чтобы показать, что они на это способны».

«Бесстрашие, талант и высокомерие, опасное сочетание, но не непоправимое. Есть кое-что, чем я могу поделиться с вашим сыном, чтобы помочь ему преодолеть это, кое-что, кроме того, что лучше сражаться с мечом».

"Который?"

— Мой опыт, — сказал Геральт, зная, что это сработает и будет намного, гораздо лучше к мальчику, чем все, что мир может использовать, чтобы исправить его ошибку. Потому что ведьмак на себе испытал, как быстро жизнь может разбить самые смелые мечты. Он был мальчиком, одаренным мечом, слишком хорошо это осознававшим и догматически убежденным, что может все исправить, размахивая мечом.

<http://tl.rulate.ru/book/89894/2919633>